

СОЦИОЛОГИЯ ЭТНИЧЕСКИХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

От редакции

В этом номере «Журнал социологии и социальной антропологии» открывает новую рубрику — «Социология этнических и национальных отношений». Нет необходимости говорить о том, насколько важен сегодня научный анализ многочисленных проблем, существующих в такой особой сфере общественных взаимодействий. Когда же речь идет о Российском государстве, на территории которого проживают представители более 170 народов, обсуждение этих вопросов выходит далеко за рамки чисто научной дискуссии и приобретает практический смысл и политическое звучание.

В течение последних десятилетий в мире опубликовано огромное количество работ по темам этничности, расизма, национализма. Среди множества обозначенных в них теоретических позиций есть и такие, которые настаивают на временном, переходящем значении «этнического измерения», полагая, что в условиях интеграционных и глобализационных процессов произойдет постепенное нивелирование этнических и национальных различий, а этническая идентичность во все большей степени будет терять свое значение в общей структуре личностной идентификации людей. Так ли это? Быть может, в тенденции — так. Однако до настоящего времени развитие общества происходит таким образом, что говорить об «угасании» этнического, расового, национального факторов, о снижении их роли в социальной жизни и субъективном восприятии — не приходится. Скорее, наоборот. Опыт показывает, что в полиэтничных, многонациональных сообществах, к которым относится и Российская Федерация, крупномасштабные трансформационные процессы, происходящие в сферах экономики, политики, идеологии, культуры, всегда сопровождаются мощным всплеском этнических чувств, манипулированием ими в интересах политических элит, волнами сепаратизма, противопоставлением национальных интересов, часто перерастающим в открытый конфликт. В такой ситуации перед политиками и учеными встает задача поиска адекватной исследовательской методологии, обладающей достаточным эвристическим и прогностическим потенциалом.

Как известно, на сегодняшний день в этнических исследованиях сложились два взаимоисключающих друг друга способа теоретического видения социальной реальности и трактовки этнического феномена — примордиалистский, имеющий свои основания в объективистской парадигме, и конструктивистско-инструменталистский, следующий субъективистской традиции в социальных науках. Следует признать, что второй из названных подходов с характерными для него представлениями об этничности как конструируемой в определенном социальном контексте «репертуарной роли» и трактовкой нации как «воображенной общности» находит в настоящее время больше сторонников, чем первый. Это обстоятельство привело даже к тому, что некоторые научные периодические издания отказывают авторам, придерживающимся других — неконструктивистских — теоретических позиций, в публикации их материалов. Наша редакция против подобной практики. Мы за дискуссию, участники которой имели бы возможность аргументированно и корректно изложить свой взгляд на проблему. Мы за то, чтобы открывающийся на страницах нашего журнала раздел стал полезным всем, кто захочет принять в нем участие и сможет обосновать свою позицию.

М. Н. Росенко

НАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В эпоху постиндустриального развития происходит изменение глубинных основ воспроизводства всей системы общественных отношений. В этнонациональной сфере эти изменения проявляются в возрастании масштабов интеграционных процессов, формировании межнациональных и наднациональных региональных сообществ, образовании супер- и мегаэтносов. Объективная основа этих изменений заложена в материальной и духовной культуре народов, но, как свидетельствует практика этнонациональных отношений, они происходят противоречиво и болезненно, осложняясь затяжными трудноразрешимыми конфликтами и этническими войнами. Впервые за всю историю существования наций национальный вопрос превратился в этнонациональный и стал одним из самых актуальных в жизни многих народов.

Особое значение эти проблемы приобретают для России, которая, являясь одной из наиболее многонациональных стран мира, находится на переломном этапе своего развития. Поспешное «реформирование» страны, не сопровождавшееся научным обоснованием или хотя бы здравым смыслом, в области национально-государственной политики привело к деградации экономики и культуры, стимулировало националистические и этнократические выступления региональной элиты, появление титульных наций, принудительных государственных языков, инициировало пренебрежительное отношение к правам и достоинству людей другой национальности. Всем народам России приходится переживать негативные последствия развала СССР, которые к тому же еще плохо осознаны как руководящими структурами, так и широкими массами населения. Сложившаяся ситуация настоятельно требует ответа ведущих специалистов в области экономики, политики, социальных наук. Попробуем проанализировать и оценить тот теоретико-методологический багаж, с которым они предполагают приступить к решению этнонационального вопроса в стране.

Если попытаться обобщить вышедшую за последние годы литературу по национальной проблематике, то совершенно отчетливо, в зависимости от методологических установок авторов, выделяются два основных подхода или направления. Первое исходит из признания реального существования наций как особых материально-духовных образований на основе общности экономической жизни, языка, культуры и психологии. При этом большинство авторов этого направления отмечает возрастание роли духовных и организационно-полити-

Росенко Маргарита Николаевна (р. 1929) — доктор философских наук, профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета.

Тел.: дом. 543-44-39; раб. 234-89-82.

ческих факторов в сфере современной национальной жизни, что не отрицает объективного содержания закономерностей и тенденций ее развития. Наиболее важными работами, относящимися к данной проблематике, являются труды академика Н. Н. Моисеева, в которых раскрыта связь этнонациональных проблем с общецивилизационными процессами, происходящими в мире [1]. Автор раскрывает роль национального фактора в развитии информационной цивилизации и показывает, что разрушение социальных основ жизнедеятельности народов неизбежно ведет к возрастанию роли этнического фактора, стимулирует проявление биосоциальных законов. Информационное общество требует нового уровня осознания требований объективных законов его развития. Если с ними не считаются, то они действуют стихийно и разрушительно.

В русле рассматриваемой методологии глубокий анализ реальных причин развала Советского Союза предпринял С. В. Чешко [2]. Он пришел к выводу, что существующая версия о фактически происходивших процессах распада советского государства в конце 80-х-начале 90-х гг. «не может быть принятой в качестве некоей очевидности и исходной точки...» [2, с. 65]. Анализ автором процесса развала страны подтверждает обоснованность основных положений антропологического детерминизма о решающей роли разумной (или неразумной) деятельности человека по отношению к социально-экономическим условиям. Активную роль субъективного фактора в национальном развитии обосновывают и другие авторы. Так, Р. Г. Абдулатипов и Л. Ф. Болтенкова [3; 4], анализируя в своих работах содержание реформ, пишут, что «впервые в истории России Москва начала разрушение государства, т.е. саморазрушение. При бесстрашном взгляде на историю осознаешь, что рано или поздно реформация СССР была неизбежна. Но форма, в которую вылилась эта неизбежность, воспринимается с трудом». Оценка деятельности власти приводит к выводу, что она «вряд ли способна возродить страну в качестве новой системы» [4, с. 306]. Методологический принцип признания объективного существования наций и широкой возможности использования национальной политики для формирования соответствующей направленности их развития используется и в работах А. И. Доронченкова. Анализируя содержание национальных процессов в России, он пишет, что «в стране формируются новые по содержанию межнациональные отношения», однако результат во многом зависит от политической деятельности государства. В этой связи «развал Союза ССР и кризис Российской государственности оказались звеньями одной цепи» [5, с. 3, 162], а возникшие после развала Советского Союза органы власти показали свою полную несостоятельность в решении национального вопроса. Активным сторонником «материалистической концепции и даже шире — этнической общности» является В. И. Козлов, подвергший обстоятельной критике конструктивистско-постмодернистскую методологию, которая, по его мнению, основана «не на реалиях этнических (в том числе национальных) общностей людей, а на словах-терминах», представляющих «изошренные схоластические конструкции», «нечто полуреальное» [6, с. 102]. Данные методологические подходы разделяют и многие другие авторы, в том числе из национальных республик [7].

Особенно значимой в теоретико-методологическом плане применительно к сфере национальных отношений является статья М. Н. Руткевича [8], в которой дается философское обоснование реального существования наций и объектив-

ных тенденций их развития. «Настаивая на объективности существования этносов, в том числе наций, — пишет он, — как важнейшего типа человеческих общностей, мы вовсе не склонны преуменьшать роль субъективного фактора в процессе их консолидации» [8, с. 23]. Анализ конкретных проблем национальной жизни должен опираться на учет объективных тенденций развития наций, которые «как бы их ни понимать, существуют в реальности» [8, с. 22]. Автор показывает действие подобных тенденций на примере национальной консолидации народов Западной Европы, Америки и России. При этом он раскрывает порочность «одностороннего и антиисторического подхода» [8, с. 23], который используется некоторыми российскими и зарубежными авторами при рассмотрении этой проблемы. Критикуя поклонников конструктивизма, М. Н. Руткевич пишет, что они стремятся «под покровом словесной риторики смазать реальные проблемы вместо того, чтобы намечать пути выхода из катастрофического положения, в котором оказалась Россия и русский народ» [8, с. 32]. Обозначая контуры современной диалектико-материалистической методологии в сфере национальных отношений, он подчеркивает, что разрешение национального вопроса в Российской Федерации невозможно лишь в рамках субъективистско-постмодернистской теории и идеологии, а «достижимо только путем внесения поправок в действующую Конституцию, уравнивания в правах всех субъектов Федерации, а в сфере идеологии — открытого обсуждения и осуждения всех форм сепаратизма, и прежде всего этнократической политики «удельных князей» в национально-государственных образованиях» [8, с. 32]. Вывод автора заключается в том, что субъективизм в сфере национальных отношений, проявляемый рядом российских этнологов, изначально уязвим и несостоятелен, когда речь идет о конкретных этнонациональных процессах. Рассмотрение их исключительно с позиций «национального самосознания» — как главного и единственного признака наций — определяют субъективизм и национальный нигилизм сторонников этого второго направления.

Начало внедрению субъективистско-идеалистической методологии в анализ этнонациональных проблем положили труды В. А. Тишкова [9; 10; 11], который рассматривает нацию как «сообщество сограждан», «воображаемый конструкт», «самосознание общества» и т. д. На основе такого подхода к понятию нации оно, по его признанию, становится столь расплывчатым, что от него можно вообще отказаться и заменить понятием этноса. Но и этнос оказывается «не реальностью набора объективных признаков», а лишь отношениями «на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям» [11, с. 62]. Раскритиковав своих российских коллег, определяющих нацию как тип этноса, объективно существующую реальность, автор сообщает, что с позиций конструктивистской методологии (Б. Андерсон и др.), которой он придерживается, нация видится как «воображаемый коллектив». Итогом рассуждений становится вывод, что понятия, относящиеся к сфере этнонациональных процессов, «не являются научными и политически операциональными» [11, с. 8]. Если нация — лишь результат воображения г-на Тишкова, то остается только согласиться с автором о невозможности ее научного определения (добавим — с позиций конструктивизма), но при наличии явной политической нагрузки.

Разделавшись с нациями, г-н Тишков решил таким же образом разобраться и с национализмом, который рассматривается как способ выражения нацио-

нальной принадлежности и как результат «легитимизации... его первоначально случайного неопределенного и бытового употребления и последующей его эскалации на уровень глобальной категории (вернее лжекатегории)» [11, с. 16]. Воюя с национализмом, он почему-то связывает его содержание и широкое распространение с марксизмом, хотя хорошо известно, что Маркс негативно относился к национализму, рассматривая его как идеологию эксплуататорских классов, имеющую целью установление господства одних наций над другими. Такой прием автору понадобился: во-первых, для демонстрации якобы краха национализма в связи с развалом СССР; во-вторых, для искажения сути марксистской методологии путем ее подмены собственным пониманием национализма; в-третьих, что самое главное, для убеждения читателей в несостоятельности «современных этнонационалистов», т.е. сторонников признания реального существования наций. Отождествив национализм с национальным сознанием, которое имеет в основном позитивное содержание и сложную структуру (включает национальное самосознание, взаимопонимание с другими народами, патриотизм и другие элементы), г-н Тишков, потерял не только «научное содержание» национальных проблем, но и чувство элементарного приличия: он пишет, что «Россия есть некая историческая аномалия, нуждающаяся в современной коррекции» [11, с. 10].

Автора не устраивает то, что «вера постсоветского населения в социальный [т.е. реально существующий. — М. Р.] конструкт одномерной и взаимоисключающей этнической идентичности как некоего базового архетипа человеческого бытия столь велика, а ее политическая нагрузка столь значима, что новое Российское государство до сих пор не могло установить свои правовые отношения с гражданами через систему общегражданских паспортов». Вывешенное в сознание россиян чувство национальной принадлежности, сетует он, отразилось даже на их Конституции, в которой записано: «Мы — многонациональный народ Российской Федерации». Критикуя постнационализм [т.е. неомарксизм. — М. Р.], автор требует перестать печатать «путаные» труды Н. А. Бердяева, «паранаучные» сочинения Л. Н. Гумилева, а в одной из своих ранее опубликованных статей, он в таком же духе высказывался о работах В. Соловьева, И. Ильина и других выдающихся представителей русской культуры. В итоге он отнюдь не проясняет российские проблемы, а просто демонстрирует свою приверженность конструктивизму, который на самом деле является одним из показателей духовного (в том числе и научного) кризиса Запада.

Методологическая несостоятельность плагиата г-на Тишкова у западных этнологов особенно очевидно проявляется в его настойчивом навязывании идеи о «нации-строительстве», суть которой состоит в том, что национальные проблемы могут быть решены по усмотрению руководящей государственной системы вне какой-либо связи с социально-экономическими процессами. А, если добавить, что каждое государство выражает и реализует интересы правящего класса, о чем умалчивает г-н Тишков, то по существу «нации-строительство» означает государственную организацию национальной общности и соответствующую национальную политику по отношению к другим народам, которые отвечают интересам импонируемой автору национальной «элиты». Например, этническая пестрота североамериканской нации в результате «нации-строительства» превращается в конкретную идеологию панамериканизма, «глобальных

национальных интересов», содержанием которых является диктат по отношению к другим народам. «Национальные интересы» США сегодня простираются не только к берегам Персидского залива, на Балканы, в страны Латинской Америки, Африки, Юго-Восточной Азии и др., но и в бывшие республики Советского Союза, да и к самой России американские правящие круги подходит с позиции этих самых интересов, диктуя свои условия. Не церемонятся в этом отношении и другие нации-построенные государства.

Предлагать России, путем «нации-строительства», создавать искусственную «единую российскую нацию», которую потом, по совету З. Бжезинского, нужно будет разделить из-за ее «аномальной» величины по крайней мере на три самостоятельных государства, — для этого действительно нужно было освободиться от научной и якобы политической нагруженности рассматриваемой проблемы. Формирование наций в России, в отличие от США, имело в целом моноэтническую основу, а складывавшийся веками российский народ закреплял между ними отношения дружественного сотрудничества и взаимопомощи. Предложение народам Российского государства, в том числе и русскому, добровольно отказаться от их национальной принадлежности, согласно рецептам Бжезинского, Тишкова и К^о, означает стремление подорвать национально-государственные устои страны, отказать десяткам народов в их законном праве быть субъектами исторического действия. Финалом реализации подобного проекта может быть только общенациональная катастрофа.

На Западе, где исторически сформировалась сильная государственная власть, регулирующая на финансовой основе все сферы общественной жизни, в том числе и национальную, и пытающаяся навязывать свои установки всему остальному миру, концепция «нации-строительства» вполне соответствует интересам правящего класса. В России же подобные идеи и мероприятия кроме вреда ничего принести не смогут. Нации — это материальная и духовная форма бытия народов, и о желании изменить эту форму надо спросить прежде всего у них. Но конструктивистам даже в голову не приходят такие неудобные мысли. На недоуменный вопрос г-на Тишкова, почему в России до сих пор не введены гражданские паспорта без указания национальности, ответ дает сама жизнь: нации являются не «воображаемым конструктом», а реальной формой организации этой жизни. Поэтому для людей, высокомерно не зачисляющих себя в состав некой «элиты» (а это 95% населения страны), принадлежность к своей нации — одно из важнейших условий жизнедеятельности, связанное с такими понятиями как патриотизм, национальная гордость, национальные ценности, служение отечеству.

В русле постмодернистской методологии предпринимает анализ сферы национальных отношений и А. Г. Здравомыслов [12]. Покритиковав слегка В. А. Тишкова за отказ признавать понятия нации, национальных интересов, национальных отношений и т.д. научными категориями и заподозрив его в желании отказать в факте реального существования русской нации, которая якобы не оформилась еще в качестве некоего единого целого, А. Г. Здравомыслов утверждает, что в созданной им релятивистской теории нации он преодолел слабые стороны концепции В. А. Тишкова и пошел дальше в выводах и обобщениях [добавим — сохранив субъективистско-постмодернистскую методологию. — М. Р.]. Сам А. Г. Здравомыслов так раскрывает суть своей теории: «Центральной

категорией релятивистской концепции наций являются понятия национального самосознания. Речь идет именно о национальном *самосознании*, т.е. о сознании народом самого себя как некоторой общности, отличающейся от других. Речь идет о том, что *русские только потому являются русскими, что существуют немцы, французы, американцы и другие национально-этнические группы, с которыми они постоянно себя соотносят...*» [13, с. 12]. Как видно, в главном и основном, а именно в методологии, концепция А. Г. Здравомыслова ничем не отличается от рассуждений В. А. Тишкова (т.е. от позиций западных социологов). И там, и тут национальное самосознание является главным критерием национального бытия. Но чтобы не показаться стопроцентным субъективным идеалистом, он оговаривается, что в структуре национального самосознания существуют конкретные формы его проявления, которые представляют *«своего рода объективную реальность»* [13, с. 14]. Поясняет это на примере осетино-ингушского конфликта, который сам по себе, являясь реальным социальным фактом, произошел в связи с разным пониманием осетин и ингушей своих прав на территорию Пригородного района. Таким образом, коллективное сознание порождает реальные факты. Вывод о практическом применении релятивистской теории нации связан с тем, что «одним из главных вопросов национальной политики является не вопрос о том, что такое нация и национальные интересы на самом деле, а то, как создается *образ нации* в сознании данного сообщества и других сообществ [13, с. 14]. Подчеркивая достоинства своей концепции, А. Г. Здравомыслов заявляет, что «опираясь на нее, нет необходимости воевать за принципы и мифы национального самосознания. Она позволяет вести более гибкую национальную политику...» [13, с. 21]. Это означает, что все происходящее в сфере национальных отношений надо воспринимать как должное, не допускать «притязаний на любые истины в последней инстанции» [Там же]. Если российское руководство не смогло решить ни одного из национальных конфликтов (Чечня, Северная Осетия, Ингушетия, Карачаево-Черкесия и др.), вызванных именно отсутствием каких-либо принципов в проводимой им национальной политике, то именно под эти результаты и подводит теоретическую базу релятивистская концепция нации.

Озвучивая свои конструктивистско-субъективистские установки, А. Г. Здравомыслов откровенно противопоставляет их «объективистскому» подходу, как он обозначает материалистическую теорию нации, причем отождествляет ее со сталинской формулировкой. Обвинения идут прежде всего в связи с якобы недооценкой последними духовного фактора в национальной жизни. Несостоятельность такого рода заявлений убедительно доказал М. Н. Руткевич [8, с. 20-21]. Могут сослаться на свою работу, в которой гл. V называется «Возрастание роли субъективного фактора в развитии современных этнонациональных процессов» [14, с. 96-127]. Сторонники материалистического направления не сводят духовный фактор наций к их самосознанию и не абсолютизируют его, а рассматривают как составную часть субъективного фактора, который в сфере национальной жизни определяется содержанием идей и уровнем сознательности его носителей, способностью субъектов национальных отношений осознавать объективные потребности социального развития. Именно такое понимание духовной жизни и субъективного фактора, не сводимых только к самосознанию, позволяет реально оценивать содержание этнонациональных процессов, выра-

батывать научные принципы деятельности в сфере национальных отношений, разрабатывать национально-государственную политику.

Вызывает возражение и отнесение современной формы материалистической методологии к объективизму. Как известно, материализм исходит из признания мира в качестве объективной реальности. Но понятия объективный и объективистский имеют разное содержание. Объективный мир, в том числе и в сфере национальных отношений, существует и развивается на основе причинно-следственных закономерных связей независимо от нашего сознания, но последнее обладает возможностью не только активно влиять на события, но и в определенных исторических рамках отдельных событий, социальных явлений играть решающую роль в их реализации. В зависимости от содержания и уровня сознательной деятельности людей это влияние может иметь как позитивные, так и негативные результаты, что требует соответствующей оценки на основе *научного* анализа. А объективизм означает сведение процесса исследования к описанию социальных фактов, под которыми все сторонники субъективистского направления, в том числе и А. Г. Здравомыслов, понимают ситуации, порождаемые национальным самосознанием. Таким образом объективизм — это изначально субъективно-идеалистическая принадлежность, главным показателем которой является описание фактов без их научной и политической оценки. Относя сторонников материалистического направления к примордиалистам, А. Г. Здравомыслов сетует на то, что в российской обществоведческой литературе этот подход является распространенным, тогда как «второй подход [конструктивистско-субъективистский. — *М. Р.*] пока не нашел понимания и тем более адекватного применения» [13, с. 18]. Думается, что причиной этого является его теоретическая и практическая несостоятельность, невозможность на основе конструктивизма и постмодернизма, в русле которых находится и релятивистская теория нации, решать конкретные национальные вопросы. Поверхностное заимствование терминологии у западных социологов, произвольное толкование этнонациональных проблем через призму национального самосознания как единственного признака нации — это все, что на сегодняшний день смогла предложить субъективистская этнополитологическая мысль по данной проблематике. Практика показывает, что национальная жизнь в России далека от этих концепций.

Россия нуждается в научной парадигме теории нации, которая может быть разработана только на основе современной формы диалектико-материалистической методологии. Теория и методология этнонациональных процессов не могут претендовать на научность, если они игнорируют основное событие завершающего периода двадцатого столетия — вступление человечества в эру информационной цивилизации. В современной национальной жизни ничего невозможно понять и тем более невозможно проводить какую-либо национальную политику, претендующую на реформаторское содержание, не учитывая, что нация как общности, развивающиеся на основе общей территории, языка, экономической жизни, культуры и психологии — это не изолированные социальные структуры, а объективно существующая форма цивилизационной эволюции общества и как таковая неразрывно взаимосвязана и обусловлена процессами, происходящими в данном обществе. Если содержанием новой цивилизации является переход общества к информационной технологии в вос-

производстве всей системы общественной жизни, то реализация этого процесса происходит различным образом в зависимости от ее национальных форм. На это, например, указывают, хотя и с различными выводами, Н. Н. Моисеев [1] и С. Хантингтон [15]. Информационная цивилизация ломает социальную структуру, сложившуюся в индустриальном обществе, требует нового уровня развития духовной культуры, опережающего события роста научных знаний, повышения роли и изменения функций общественно-политических институтов в управлении обществом, определяет возрастание масштабов интеграционных процессов в отношениях между народами и нациями. Не учитывать этих объективных процессов на современном этапе общественного развития в национальной жизни значит ограничить себя фиксированием отдельных локальных событий, не имея возможности определить их причину. Основой конструктивизма и является обоснование именно такого подхода. Информационная цивилизация объективно выводит общество за рамки национального бытия, что отнюдь не означает исчезновения наций и всего того, что составляет содержание национальной жизни. В современных условиях нации получают качественно новые характеристики в уровне и содержании своих признаков. Это означает, что подходить сегодня к проблеме наций и национального вопроса невозможно ни с позиций традиционной сталинской методологии, ни с позиций конструктивизма и релятивизма, которые не интересуются их реальным содержанием.

Для России в этих новых условиях принципиально важной является проблема федерализма. Требования непомерной суверенности, не подкрепленные реальным положением дел в стране, с одной стороны, и игнорирование подлинных национальных интересов народов федеральным Центром — с другой, не создают прочной основы федеративных отношений нового уровня. И если Федеративный договор 1992 г. сыграл свою положительную роль в определении принципов объединения субъектов Федерации и разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами власти субъектов, объединившихся в Федерацию, то многие вопросы еще остаются нерешенными, вызывают споры и разногласия. Выдвигается, например, предложение выделить в определении принципов федерализма национальный аспект. Думается, что это было бы разумно, но не в плане предоставления каких-либо привилегий национальным регионам, а в плане необходимости учета их национальных особенностей. Высказывается мнение об укрупнении субъектов Федерации в связи с трудностями в управлении таким большим количеством ее субъектов [89]. Представляется, что в условиях продолжающегося кризиса вряд ли было бы целесообразно заниматься территориально-региональным экспериментированием. Необходимо стабилизировать то, что есть, а затем жизнь подскажет дальнейшие шаги. Наконец, существует мнение, что надо создавать асимметричную федеративную структуру, которая отражала бы многообразие территориальных, демографических, социально-культурных и других особенностей ее субъектов. Предлагаемый путь построения федерации означал бы создание не единого государства, а конгломерата этносов, в котором главной проблемой будет учет их различий.

Существует еще множество других национальных проблем, требующих безотлагательного решения. Они могут быть решены только на основе анализа реальной ситуации в стране и регионах, а не путем исследования националь-

ного самосознания и того, какое отражение в нем находит тот или иной этнос. В связи с этим чрезвычайно важным является разработка научно обоснованной национально-государственной политики, определение ее основного содержания не только на переходный, но и на долгосрочный период. В настоящее время в качестве главных принципов национальной политики можно было бы выделить следующие: 1) равноправие всех народов, независимо от их численности и этнонациональных особенностей; 2) демократизм в отношениях между ними, соблюдение права на самоопределение, а также сохранение единого государства; 3) примат экономических интересов перед политическими; 4) предоставление всем этнонациональным образованиям равных возможностей для вхождения в рынок при наличии соответствующей социальной защиты; 5) взаимопомощь и всестороннее сотрудничество, нахождение их новых форм в условиях рынка; 6) использование национальных форм культуры и традиций народов для дальнейшего наращивания их экономического и духовного потенциала; 7) преследование по закону проявлений национализма, шовинизма и национального экстремизма. Данные принципы, являясь общими для всех субъектов Федерации, могли бы быть в каждом конкретном случае дополнены и уточнены. При разработке национально-государственной политики также следует учитывать необходимость механизма ее реализации. С позиций же постмодернистской методологии эти проблемы не имеют существенного значения. Суть нациестроительства — стремление превратить нации и народы России в объект произвола чиновников, при этом не только доморожденных, но и иностранных. И если Россия до сих пор, по терминологии г-на Тишкова, не относится к числу «благополучных стран», то в немалой степени этому способствуют местные и западные либералы, навязывающие ей монетаризм, конструктивизм, космополитизм и другие сомнительные идеологии.

Решение национального вопроса в России заключается не в нациестроительстве, а в проведении социально-ориентированных демократических реформ, создании таких условий, когда ни одна нация или народность не чувствовали бы угрозы своему существованию, могли бы свободно, опираясь на сотрудничество всех народов России и стран СНГ, развивать свою экономику и культуру, быть достойно представленными в новой информационной цивилизации. Будущее России — не в ликвидации наций, а в дальнейшем развитии многовековых традиций дружбы, взаимопомощи, согласия и доверия в отношениях между ее народами. Российское общество нуждается в новой научной парадигме, отражающей позитивную направленность развития национальных отношений в стране, но при разработке такой модели нации остаются ее важнейшим опорным параметром. Как показывает мировой опыт, постиндустриальное общество не отменяет ни этносы, ни нации, а наполняет их новым содержанием, объединяя интересы народов на уровне регионально-цивилизационных сообществ и суперэтносов. Социально-политическим и нравственным стержнем их формирования являются социальная справедливость и доверие, на основе которых они только и возможны.

Литература

1. Моисеев Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы: Эколого-политологический анализ // Вопросы философии. 1995. № 1.
2. Четко С. В. Распад Советского Союза: Этнополитический анализ. М., 1996.
3. Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф. Опыт федерализма. М., 1994.
4. Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф. Россия: В чем суть твоего бытия? М., 1994.
5. Доронченков А. И. Межнациональные отношения и национальная политика в России: Актуальные проблемы теории, истории и современной практики. СПб., 1995.
6. Козлов В. Национализм и этнический нигилизм // Свободная мысль. 1996. № 5.
7. Кучуков М. М. Нация и социальная жизнь. Нальчик, 1996.
8. Руткевич М. Н. Теория нации: Философские вопросы // Вопросы философии. 1999. № 5.
9. Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.
10. Тишков В. А. Что есть Россия? (Перспективы нации-строительства) // Вопросы философии. 1995. № 2.
11. Тишков В. А. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9.
12. Релятивистская теория нации: Новый подход к исследованию этнополитической динамики России / Отв. ред. А. Г. Здравомыслов. М., 1998
13. Здравомыслов А. Г. К обоснованию релятивистской теории нации // Релятивистская теория нации: Новый подход к исследованию этнополитической динамики России / Отв. ред. А. Г. Здравомыслов. М., 1998.
14. Росенко М. Н. Этнонациональные процессы в современном обществе. СПб., 1996.
15. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1.